

УДК 349.6
ББК 67.911.20

**К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ КАТАЛОГА
СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИНЦИПОВ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА**

Копылов Михаил Николаевич

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного права,
Российский университет дружбы народов, академик,
Российская академия естественных наук, Российская экологическая академия,
Международная академия наук экологии и безопасности жизнедеятельности
prof.mikhail.kopylov@gmail.com
ул. Миклухо-Маклая, 6, офис 370, 117198 г. Москва, Российская Федерация

Копылов Станислав Михайлович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права,
Российский университет дружбы народов
ksmfiles@gmail.com
ул. Миклухо-Маклая, 6, офис 370, 117198 г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. В статье анализируются основные нормы международного экологического права с целью формирования перечня специальных принципов этой отрасли международного права. Показано, что по данному вопросу в науке международного экологического права как в России, так и за рубежом отсутствует единство взглядов не только на количество таких принципов, но и на их юридическое содержание. Этот вывод доказывается высказываниями ряда известных российских и иностранных специалистов. Будучи убежденными в том, что наличие специальных принципов является одним из шести критериев, могущих позволить международному экологическому праву завершить процесс своего оформления в отрасль международного права, авторы останавливают свой выбор на проекте Международного пакта по окружающей среде и развитию, который в своей редакции от 22 сентября 2010 г. содержит указание на девять таких принципов. Анализ текста проекта Пакта позволил выявить формирующийся в настоящее время еще один специальный принцип международного экологического права – принцип сохранения и устойчивого использования биологического разнообразия. Это означает, что процесс создания таких принципов применительно к международному экологическому праву все еще остается открытым.

Ключевые слова: международное экологическое право, принцип, экологические права, трансграничное загрязнение, международная ответственность, предосторожность, сотрудничество, проект Пакта.

Проблема выделения, определения содержания, квалификации и систематизации базовых начал, именуемых в теории права принципами, относится к числу наиболее сложных как в любой отрасли международного права, так и в международном праве в целом. Различные правовые школы, в том числе и отечественные, дают многочисленные примеры расхождения во взглядах юристов-международников на ее количественные и качественные параметры. К сожалению, этот недостаток может быть в полной мере отнесен и к международному экологическому праву, где, несмотря на внешнюю солидарность, его разработчики, как правило, ограничиваются либо перечислением общепризнанных принципов международного права, либо адаптацией последних к нуждам международного природоохранения.

Сегодня характерной чертой процесса выработки специальных принципов международного экологического права является то, что он происходит на фоне непрекращающихся дискуссий относительно общей структуры международного права в целом.

Если применительно к системе внутреннего права государств все чаще и чаще предлагают ограничиться 2–3 основными отраслями (В.П. Мазолин), то в системе международного права целесообразность деления этой системы на отрасли вообще ставится некоторыми специалистами под сомнение.

Например, Д.И. Фельдман полагает, что в международном праве следует выделять не отрасли, а подотрасли, поскольку для любой существующей в нем совокупности норм характерен единый и общий для них метод регулирования [23, с. 39–53].

Разделяя эту точку зрения, С.В. Молодцов со ссылками на принцип свободы открытого моря и некоторые другие положения Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. пришел к выводу о применении в международном воздушном праве положений, установленных международным морским правом [14, с. 11]. Позднее эту позицию разделила Е.С. Молодцова, указавшая на чисто академический интерес,

который преследуют сторонники деления международного права на отрасли [15].

Наконец, Н.А. Соколова в своих работах поднимает вопрос об экологических «обременениях» норм, входящих в состав других отраслей международного права. По ее мнению, «это, к примеру, находит отражение в усилении защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов. Окружающая среда рассматривается как специальный гражданский объект, который находится под защитой норм международного гуманитарного права».

Как полагает Н.А. Соколова, инкорпорирование норм по защите окружающей среды в рамках той или иной отрасли придает этим нормам комплексный характер, позволяя рассматривать их, с одной стороны, как необходимый структурный элемент режима природной среды (морской, космической, воздушной, Антарктики и т. п.), которая подлежит экономическому использованию, научно-техническому освоению. В этом случае принятие правовых норм по охране соответствующих природных объектов представляет собой процесс отражения экологических требований в соответствующих отраслях. С другой стороны, такие нормы – необходимый системный элемент международного экологического права. «Учет экологических интересов в рамках различных отраслей международного права, возможно, имеет серьезные теоретические последствия, поскольку усложняет характер международных договоров, кодифицирующих ту или иную отрасль», – заключает она [19, с. 169–171; 20].

Мы полагаем, что вопрос об отраслевой принадлежности норм, закрепленных в источниках, традиционно относящихся к той или иной отрасли международного права, еще долго будет «будоражить» умы научной общест-венности. В любом случае различного рода теории «обременения» и «комплексности» норм той или иной отрасли международного права, равно как и признание международной правосубъектности личности, не способны привести к сохранению стройности и системности международного права в целом. Куда

полезнее в этой связи выглядит теория межсистемных надотраслевых образований в праве, которую в последние годы отстаивает Б.И. Нефедов [16; 17, с. 19–31].

В этой ситуации мы полностью согласны с точкой зрения В.И. Кузнецова, который, признавая, что «с формально-юридической точки зрения источником права является норма права как некая юридическая форма, в которой содержится правило поведения субъектов, которое они признают для себя юридически обязательным», обращает внимание на то, что в структуру нормы международного права (как, впрочем, и в структуру норм любой другой отрасли права) входит в качестве ее элементов не только форма, но и содержание [9, с. 76]. Содержанием нормы, пишет он, «является абстрактное правоотношение, абстрактное, поскольку оно распространяет свое действие на всех субъектов и все события в рамках данного правоотношения. Конкретный же договор – это часть объективно существующей нормы; в отношении этой «части» конкретные субъекты договорились считать содержащееся в ней правило поведения обязательным для себя нормой поведения» [там же].

Для регулирования правоотношения по конкретному вопросу субъектам нет необходимости воплощать в форме все содержание нормы. Вот почему конкретная норма имеет множественную форму.

Государства, заключая между собой договор, «берут» из нормы только то, что соответствует потребностям их внешней политики в конкретном правоотношении и на данный момент. Именно поэтому совершенно необходимо различать норму международного права и договорную форму.

В результате приведенных рассуждений В.И. Кузнецов приходит к обоснованному выводу, что «международно-правовые нормы – это формы объективно существующего правосознания, а не то, что появляется в результате “согласования воли”» [там же, с. 77].

Именно с этих позиций и следует сегодня рассматривать нормы, а следовательно, и принципы международного экологического права. Четкость и точность подхода к этой проблеме важны еще и потому, что наличие специальных принципов права, наряду со специфическим кругом общественных отношений и его доста-

точно крупной общественной значимостью, специфическими нормами, регулирующими эти отношения, достаточно обширным объемом нормативно-правового материала и заинтересованностью общества в выделении новой отрасли права почти по единодушному признанию [8, с. 21], является условием или критерием, необходимым для признания совокупности правовых норм в качестве отрасли права.

Иногда к этому перечню из шести критериев добавляют и седьмой – наличие универсального международно-правового кодифицирующего акта. Например, Ю.М. Колосов еще в 1974 г. писал: «Группа правовых норм и принципов может претендовать на образование самостоятельной правовой отрасли в том случае, когда государства договариваются о формулировании широкого универсального международно-правового акта, содержащего основные принципы международного права в данной области международных отношений». Более того, «до появления подобного акта, – по его мнению, – можно говорить о становлении соответствующей отрасли международного права, а после его вступления в силу – о появлении новой отрасли» [2, с. 152].

Как нам представляется, такая постановка вопроса Ю.М. Колосовым ни в чем не противоречит шести приведенным ранее критериям, поскольку разработка и принятие такого кодифицирующего акта являются итоговой фазой, апогеем всего процесса каталогизации специальных принципов международного экологического права. Иными словами, с помощью такого акта будут решены две стоящие сегодня перед международным экологическим правом задачи: во-первых, наконец-то появится четкое представление о количестве и качестве специальных принципов международного экологического права и, во-вторых, закончится процесс оформления международного экологического права в самостоятельную отрасль международного права.

Пока же различные правовые школы и различные ученые предлагают свои варианты специальных принципов международного экологического права, стремясь вывести их как из действующих международных экологических соглашений, так и из большого количества источников, относящихся к категории «мягкого права».

Так, например, К.А. Бекашев выделяет 15 принципов международного экологического права: окружающая среда – общая забота человечества, окружающая природная среда вне государственных границ является общим достоянием человечества, свобода исследования и использования окружающей среды и ее компонентов, рациональное использование окружающей среды, содействие международному сотрудничеству в исследовании и использовании окружающей среды, взаимозависимость охраны окружающей среды, мира, развития, обеспечения прав человека и фундаментальных свобод, предосторожный подход к окружающей среде, право на развитие, предотвращение вреда, предотвращение загрязнения окружающей среды, ответственность государств, платит тот, кто загрязняет, или загрязнитель платит, всеобщей, но дифференцированной ответственности, доступ к информации, касающейся окружающей среды, отказ от иммунитета от юрисдикции международных или иностранных судебных органов [13, с. 763–769].

Н.А. Соколова, предлагая свой вариант специальных принципов международного экологического права, исходит из того, что норма, содержащаяся в специальном принципе, должна определять его содержание, иметь существенное, основополагающее значение для регулирования отношений в сфере охраны окружающей среды, находить постоянное применение в практике государств, в том числе при разрешении споров, содержаться не только в преамбуле, но и в основном тексте договора, рассматриваться доктриной в качестве полноценной международно-правовой нормы [21, с. 111–154].

Данный автор акцентирует особое внимание на следующих специальных принципах: принцип общей, но дифференцированной ответственности; принцип предосторожного подхода; принцип «загрязнитель платит»; принцип непричинения ущерба окружающей среде за пределами национальной юрисдикции; принцип международного природоохранного сотрудничества.

Из числа зарубежных исследователей в различные годы свои варианты специальных принципов международного экологического права предлагали Ф. Сандс [30, с. 54–58; 31, с. 208], А. Кисс [28, с. 62–67, 116–144], В. Лэнг

[29, с. 171], Д. Хантер, Дж. Сальзман и Д. Залке [27, с. 378].

Так, Ф. Сандс относит к числу наиболее значимых принципов международного экологического права равенство между поколениями, устойчивое использование, равное использование и интеграцию.

А. Кисс особое внимание уделяет принципу непричинения вреда за пределами национальной юрисдикции, принципу международного сотрудничества, принципу предосторожного подхода и принципу «загрязнитель платит». В своих трудах он также указывает на обязанность всех государств сохранять окружающую среду, оценивать воздействие на окружающую среду, осуществлять мониторинг состояния окружающей среды, обеспечивать доступ общественности к информации о состоянии окружающей среды и участие в принятии решений.

В. Лэнг предлагает выделить три группы принципов по степени их нормативного закрепления:

- существующие принципы (принцип ответственности за ущерб окружающей среде);
- формирующиеся принципы (право на здоровую окружающую среду, предупреждение других государств в случае возможного экологического воздействия);

- потенциальные принципы (принцип общей, но дифференцированной ответственности).

Наконец, Д. Хантер, Дж. Сальзман и Д. Залке объединяют принципы международного экологического права в несколько групп: принципы, определяющие общие подходы к окружающей среде; принципы, относящиеся к трансграничным вопросам сотрудничества в сфере окружающей среды; принципы, способствующие развитию национального законодательства в области окружающей среды; принципы международного управления в сфере окружающей среды.

Приведенный спектр мнений отечественных и зарубежных специалистов относительно каталога специальных принципов международного экологического права наглядно демонстрирует тенденцию к сближению существующих научных подходов, что прослеживается, в частности, в повторяемости некоторых из них. И консолидация воззрений здесь должна происходить вокруг проекта Между-

народного пакта по окружающей среде и развитию, который с момента своего появления на свет в 1995 г. прошел в своем развитии немалый путь до своей 4-й редакции [26], принятой 22 сентября 2010 г., в рамках которого можно отметить, в том числе, как увеличение числа статей от 72 до 79, так и оттачивание их нормативного содержания.

Именно в этом документе в настоящее время наиболее полно неофициально кодифицированы специальные принципы международного экологического права. Разработанный специалистами МСОП как проект международного договора, проект Пакта сегодня представляет собой доктрину наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций (ст. 38 Статута Международного Суда ООН).

Этот документ впервые провел четкий водораздел между принципами-идеями и принципами-нормами¹, выделив среди последних девять следующих принципов:

– *Принцип обеспечения соблюдения конституционных экологических прав человека* не имеет прямого действия и зависит от того, какие конкретные экологические права закреплены в конституциях и конституционных актах государств. Поэтому данный принцип в отношении конкретного государства следует толковать так: «что предусмотрено вашей Конституцией и конституционными законами в отношении экологических прав человека, то и соблюдайте».

– *Принцип недопустимости нанесения трансграничного ущерба окружающей среде*. Его суть заключается в том, что в случае угрозы причинения ущерба окружающей среде должны быть приняты все меры по предотвращению такого ущерба. Любая деятельность, которая может повлечь такой ущерб, должна быть прекращена. Он является центральным системообразующим принципом международного экологического права.

Уточнению юридического содержания данного принципа без привязки к пересечению поллютантами именно государственных границ способствовал казус с японским рыболовецким траулером «Фукуру-Мару» («Счастливого дракона») в открытом море [12, с. 283–285].

– *Принцип экологически обоснованного рационального использования природ-*

ных ресурсов. В самом общем виде юридическое содержание данного принципа раскрывается в нормах «мягкого» международного экологического права следующим образом: рациональное планирование и управление возобновляемыми и невозобновляемыми ресурсами Земли в интересах нынешнего и будущих поколений; долгосрочное планирование экологической деятельности с обеспечением экологической перспективы; оценка возможных последствий деятельности государств в пределах своей территории, зон юрисдикции или контроля для систем окружающей среды за этими пределами; сохранение эксплуатируемых природных ресурсов на оптимальном уровне, то есть на уровне, при котором обеспечивается их неистощительное использование; научно обоснованное управление живыми ресурсами.

Устойчивое развитие следует понимать как развитие в согласии с требованиями законов устойчивости биосферы в пределах того коридора (хозяйственной емкости биосферы, а в локальных и региональных случаях – хозяйственной емкости соответствующих экосистем), который предопределен для цивилизации ограничениями и запретами, вытекающими из этих законов.

– *Принцип предосторожности, или предосторожного подхода*, в самом общем виде сформулирован в Декларации Рио следующим образом: «В целях защиты окружающей среды государствами согласно их возможностям широко применяется осторожный подход. В тех случаях, когда существует угроза нанесения серьезного или невосполнимого ущерба, нехватка полных научных данных не должна служить причиной отсрочки принятия дорогостоящих мер по прекращению деградации окружающей среды» (Принцип 15).

Данный принцип направлен на переориентацию международного природоохранного сотрудничества с реагирования на уже случившиеся неблагоприятные для окружающей среды события, на их предотвращение и предупреждение. При этом нельзя обойти молчанием некоторые существенные обстоятельства, которые не позволяют полноценно пользоваться данным принципом на практике: во-первых, исходя из текста Принципа 15 Декларации Рио, предосторожный подход при-

меняется к ситуациям, которые угрожают «серьезным» и «невосполнимым ущербом», что дает основания полагать, что в ситуациях, угрожающих менее серьезным и невосполнимым ущербом, данный принцип не работает; во-вторых, этот же принцип ограничивает возможные меры лишь дорогостоящими и эффективными; в-третьих, принцип предосторожности опережает наступление таких очевидных ущерба или рисков, это позволяет использовать менее очевидные доказательства в тех случаях, когда последствия ожидания неопровержимых доказательств могут оказаться очень затратными или даже недопустимыми; в-четвертых, самая слабая трактовка этого принципа сводится к тому, что он не требует, но может разрешать несколько отложить планируемые меры, в этом контексте вопрос об уровне достаточности определенности научных данных, для того чтобы переубедить сторонников откладывания мер противодействия, остается открытым. Наконец, в-пятых, до сих пор, пожалуй, за исключением Европейского союза, остается открытым вопрос о том, является ли этот принцип именно принципом или обычно-правовой нормой.

– *Принцип недопустимости радиоактивного заражения окружающей среды* распространяет свое действие как на мирную, так и на военную область использования радиоактивных веществ (ядерной энергии). Государства не должны осуществлять ввоз и вывоз средств потенциального радиоактивного заражения без принятия должных (надежных) средств радиоактивной безопасности.

– *Принцип защиты экологических систем Мирового океана*. Юридическое содержание данного принципа сводится к обязанности всех государств «защищать и сохранять морскую среду» (ст. 192 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.).

Международные нормы и стандарты по предотвращению загрязнения с судов в открытом море, включая исключительные экономические зоны, разрабатываются самими государствами, а обеспечение таких норм и стандартов в исключительной экономической зоне преимущественно, а в открытом море полностью относится к юрисдикции государства флага.

– *Принцип запрета военного или любого иного враждебного использования*

средств воздействия на природную среду своим появлением обязан принятию в 1976 г. Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду и в 1977 г. Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года.

Он обязывает государства при ведении военных действий проявлять заботу «о защите природной среды от обширного, долговременного и серьезного ущерба» (ст. 55 Протокола); запрещает использование методов или средств ведения войны, которые имеют целью причинить или, как можно ожидать, причинят такой ущерб природной среде, а также преднамеренное управление «природными процессами – динамикой, составом или структурой Земли, включая ее биоту, литосферу, гидросферу и атмосферу, или космическим пространством» (ст. 2 Конвенции) в целях нанесения ущерба вооруженным силам противника, гражданскому населению противостоящего государства, его городам, промышленности, сельскому хозяйству, транспортным и коммуникационным сетям или природным ресурсам.

– *Основу принципа обеспечения экологической безопасности* составляет теория экологического риска – определение уровня приемлемого риска с его неременным учетом при установлении себестоимости продукции и услуг. Под приемлемым риском понимается такой уровень риска, который оправдан с точки зрения экономических и социальных факторов, то есть приемлемый риск – это риск, с которым общество в целом готово мириться ради получения определенных благ в результате своей деятельности [1, с. 30–42; 5, с. 113–120; 18, с. 12–18; 22, с. 84–92].

В настоящее время данный принцип находится в процессе формирования и представляет собой скорее цель, к которой должно стремиться мировое сообщество, чем реально действующий принцип.

– *Принцип международно-правовой ответственности государств за ущерб, причиненный окружающей среде*. В соответствии с данным принципом государства обязаны возместить ущерб окружающей среде, причиненный как в результате нарушения ими своих международных обязательств, так и в резуль-

тате деятельности, не запрещенной международным правом.

Сложившаяся практика государств в этом вопросе получила отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/68 от 6 декабря 2007 г. «Рассмотрение вопроса о предотвращении трансграничного вреда от опасных видов деятельности и распределении убытков в случае такого вреда» и в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 61/36 от 4 декабря 2006 г. «Распределение убытков в случае трансграничного вреда, причиненного в результате опасных видов деятельности».

Ответственность за нанесение трансграничного экологического ущерба в международном праве могут нести и физические лица в рамках института индивидуальной международной ответственности. Так, в Римском статуте Международного уголовного суда 1998 г. к военным преступлениям отнесено также и «умышленное совершение нападения, когда известно, что такое нападение явится причиной... обширного, долгосрочного и серьезного ущерба окружающей природной среде, который будет явно несоизмерим с конкретным и непосредственно ожидаемым общим военным превосходством» (ст. 8. b, iv Римского статута) [3, с. 175–241; 6, с. 276–282; 10, с. 559–615; 11, с. 739–781].

Особенностями происходящего процесса становления международного экологического права следует объяснять тот факт, что специальные принципы в данной области нельзя считать чем-то застывшим, окончательно сформировавшимся. Мы являемся свидетелями именно процесса. По этой причине вполне вероятно появление в ближайшем будущем и других специальных принципов.

Подтверждение данного вывода мы находим в той же 4-й редакции проекта Международного пакта по окружающей среде и развитию 2010 г., в которой ее составители сделали существенные подвижки в направлении признания принципа сохранения биоразнообразия в качестве специального принципа международного экологического права.

Напомним, что первые три редакции проекта Пакта указывали на уважение ко всем формам жизни лишь в первой своей части, которая, по всеобщему признанию, содержала принципы-идеи, а не принципы-нормы. В 4-й

же редакции этот принцип мы уже встречаем и в разделе принципов-норм.

В этом документе две статьи – статья 2 и статья 25 – имеют прямое отношение к данному вопросу.

В соответствии со ст. 2 Проекта «Уважение ко всем формам жизни» «природа в целом и все формы жизни требуют уважения и должны быть защищены. Целостность экологических систем Земли должна поддерживаться и, где необходимо, быть восстановлена».

Здесь выражение «все формы жизни» воплощает в себе существо идей, изложенных в преамбуле Всемирной хартии природы 1982 г., о том, что любая форма жизни является уникальной и заслуживает уважения, независимо от ее материальной ценности для человека. Иными словами, статья 2 прямо указывает на необходимость сохранения биологического разнообразия, а не на защиту отдельных видов, и на отход от чисто утилитарного отношения к защите отдельных видов, которое было характерно для международных договоров начала XX века.

В соответствии со ст. 25 «Биологическое разнообразие» «стороны принимают все необходимые меры для сохранения биологического разнообразия, в том числе видового разнообразия, генетического разнообразия внутри вида и разнообразия экосистем, особенно через сохранение *in situ* на основе концепции экологической сети».

В п. 1 ст. 25 перечисляются три метода, необходимых для выполнения обязательств по сохранению биоразнообразия, являющихся обязательными, но которыми список не исчерпывается. Поскольку эти методы не являются альтернативными, все они должны быть использованы сторонами. В их числе:

- интеграция через экосистемное управление, сохранение и устойчивое использование биологического разнообразия и его компонентов в их системе физического планирования;
- создание систем особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и там, где это необходимо, буферных зон и связывающих ООПТ экологических коридоров;
- запрет на изъятие исчезающих видов, защита их мест обитания и, при необходимости, разработка и применение по отношению к таким видам планов восстановления.

В п. 2 ст. 25 закреплена обязанность сторон регулировать и использовать биоресурсы таким образом, чтобы обеспечивалось их сохранение, устойчивое использование и там, где это необходимо и возможно, восстановление.

Далее в указанной статье приводится перечень конкретных пяти мер (не является исчерпывающим), которые стороны должны принять для выполнения своих обязательств:

- разработать и осуществить планы по сохранению и управлению биологическими ресурсами;

- не допускать снижения численности популяций животных и растений ниже уровня, необходимого для обеспечения стабильного пополнения;

- охранять или восстанавливать места обитания, имеющие значение для дальнейшего существования конкретных видов или популяций;

- поддерживать и восстанавливать экологические взаимосвязи между промысловыми и зависимыми от них или связанными с ними видами или популяциями;

- предотвратить или свести к минимуму случайное изъятие нецелевых видов, а также запретить неизбирательные средства изъятия.

По нашему мнению, признание сохранения биоразнообразия в качестве специального принципа международного экологического права позволит добиться той степени согласования правовых норм, которая превращает их в эффективно функционирующую систему. В этом качестве принцип сохранения биоразнообразия будет отражать те идеи, из которых нужно исходить, те ориентиры, в направлении которых должны создаваться иные нормы, те основные обязательства, которые должны добросовестно исполняться.

Отметив, что в оценочных суждениях отечественных ученых о проекте Пакта нигде даже не упоминается принцип сохранения биоразнообразия, представляется важным, чтобы российские ученые более активно развивали идеи, изложенные в ст. 2 и 25 проекта Пакта.

В связи с этим рациональным видится следующее. КМП ООН на основании Проекта может разработать единый универсальный кодифицирующий международно-правовой акт, получивший условное название «Экологическая конституция Земли» [24, с. 82–84; 25, с. 23–26], который в дальнейшем, согласно сложив-

шейся практике, может быть принят либо Генеральной Ассамблеей ООН, либо на международной конференции *ad hoc*. Тем более что государствами уже накоплен богатый опыт организации и проведения подобных международных конференций [4, с. 5–9; 7, с. 37–41].

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ До этого и в Стокгольмской декларации принципов 1972 г., и в Декларации по окружающей среде и развитию 1992 г. эти две группы принципов, из которых лишь первая содержит юридические обязательства, «сосуществовали» в едином списке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бринчук, М. М. Обеспечение экологической безопасности как правовая категория / М. М. Бринчук // Государство и право. – 2008. – № 9. – С. 30–42.

2. Колосов, Ю. М. Массовая информация и международное право / Ю. М. Колосов. – М.: Международные отношения, 1974. – 168 с.

3. Копылов, М. Н. Введение в международное экологическое право / М. Н. Копылов. – М.: Изд-во РУДН, 2007. – 267 с.

4. Копылов, М. Н. Забытые факты из истории международного экологического права: конференция ООН по сохранению и утилизации ресурсов 1949 г. / М. Н. Копылов, С. М. Копылов // Евразийский юридический журнал. – 2013. – № 10 (65). – С. 153–170.

5. Копылов, М. Н. О правовом содержании понятия «экологическая безопасность» / М. Н. Копылов // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 113–120.

6. Копылов, М. Н. О специальных принципах международного экологического права / М. Н. Копылов // Право и экология: материалы VIII Междунар. шк.-практикума мол. ученых-юристов (Москва, 23–24 мая 2013 г.) / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. А. Боголюбов. – М.: Инфра-М: ИЗиСП, 2014. – С. 283–286.

7. Копылов, М. Н. Теория и практика организации и проведения конференций ООН по окружающей среде / М. Н. Копылов // Экологическое право. – 2008. – № 2. – С. 37–41.

8. Лазарев, М. И. Теоретические вопросы современного международного морского права / М. И. Лазарев. – М.: Наука, 1983. – 301 с.

9. Международное право / отв. ред. В. И. Кузнецов. – М.: Юрист, 2001. – 672 с.

10. Международное право / под ред. А. Я. Капустина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2014. – 723 с.

11. Международное право / под ред. В. И. Кузнецова, Б. Р. Тузмухамедова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 944 с.

12. Международное право : практикум / под ред. А. Н. Вылегжанина, А. Я. Капустина, М. Н. Копылова. – М. : Юрис Пруденс, 2011. – 415 с.

13. Международное публичное право / отв. ред. К. А. Бекяшев. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2010. – 1008 с.

14. Молодцов, С. В. Международное морское право / С. В. Молодцов. – М. : Междунар. отношения, 1987. – 272 с.

15. Молодцова, Е. С. Охрана окружающей среды и международное регулирование мирной ядерной деятельности / Е. С. Молодцова. – М. : А.В. Туров, 2000. – 224 с.

16. Нефедов, Б. И. Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Нефедов Борис Иванович. – М., 2012. – 56 с.

17. Нефедов, Б. И. Соотношение правовых систем. Часть 1. «Традиционные» доктрины соотношения международного права и внутригосударственного права / Б. И. Нефедов // Московский журнал международного права. – 2013. – № 3 (91). – С. 19–29.

18. Русин, С. Н. Концептуальные проблемы экологической безопасности и государственная экологическая политика (правовой аспект) / С. Н. Русин // Экологическое право. – 2010. – № 5. – С. 12–18.

19. Соколова, Н. А. Некоторые вопросы защиты окружающей среды в период вооруженных конфликтов / Н. А. Соколова // Российский ежегодник международного права : спец. вып. – СПб. : СКФ «Россия – Нева», 2000. – С. 169–171.

20. Соколова, Н. А. Природная среда как объект защиты международного гуманитарного права / Н. А. Соколова // Международное право – International Law. – 2010. – № 3. – С. 60–67.

21. Соколова, Н. А. Теоретические проблемы международного права окружающей среды / Н. А. Соколова. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 240 с.

22. Тимошенко, А. С. Глобальная экологическая безопасность – международно-правовой аспект / А. С. Тимошенко // Советское государство и право. – 1989. – № 1. – С. 84–92.

23. Фельдман, Д. И. Система международного права / Д. И. Фельдман. – Казань : Изд-во Каз. ун-та, 1983. – 120 с.

24. Шемшученко, Ю. С. Плюс экологизация всей Земли (проблемы международного экологического права) / Ю. С. Шемшученко // Экологическое право. – 2009. – № 2–3. – С. 82–84.

25. Шемшученко, Ю. С. Экологическая конституция Земли: концептуальные подходы / Ю. С. Шемшученко // Государство и право. – 2008. – № 6. – С. 23–26.

26. Draft International Covenant on Environment and Development // IUCN. The World Conservation Union, 2010. – Electronic text data. – Mode of access: <https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/EPLP-031-rev3.pdf>. – Title from screen.

27. Hunter, D. International Environmental Law and Policy / D. Hunter, J. Salzman, D. Zaelke. – N. Y. : Foundation Press, 2002.

28. Kiss, A. International Environmental Law / A. Kiss, D. Shelton. – N. Y. : Transnational Publishers, 1991.

29. Lang, W. UN-Principles and International Environmental Law / W. Lang // Max Plank Yearbook of United Nations Law. – 1999. – Vol. 3.

30. Sands, Ph. International Law in the Field of Sustainable Development: Emerging Legal Principles / Ph. Sands // Sustainable Development and International Law / W. Lang (ed.). – L. : Graham & Trotman, 1995.

31. Sands, Ph. Principles of International Environmental Law / Ph. Sands. – Cambridge : Manchester University Press, 2003. – 400 p.

REFERENCES

1. Brinchuk M.M. Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti kak pravovaya kategoriya [Ensuring Environmental Security as a Legal Category]. *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 9, pp. 30–42.

2. Kolosov Yu.M. *Massovaya informatsiya i mezhdunarodnoe pravo* [Mass Media and International Law]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1974. 168 p.

3. Kopylov M.N. *Vvedenie v mezhdunarodnoe ekologicheskoe pravo* [Introduction to International Environmental Law]. Moscow, RUDN Publ., 2007. 267 p.

4. Kopylov M.N., Kopylov S.M. Zabytye fakty iz istorii mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava: konferentsiya OON po sokhraneniyu i utilizatsii resursov 1949 g. [Forgotten Facts on the History of International Environmental Law: the UN Conference on Conservation and Use of Resources, 1949]. *Evraziyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2013, no. 10 (65), pp. 153–170.

5. Kopylov M.N. O pravovom soderzhanii ponyatiya “ekologicheskaya bezopasnost” [On the Legal Content of the Term “Environmental Security”]. *Pravovedenie*, 2000, no. 1, pp. 113–120.

6. Kopylov M.N. O spetsialnykh printsipakh mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava [On the Special Principles of International Environmental Law]. Tikhomirov Yu.A., Bogolyubov S.A., eds. *Pravo i ekologiya: materialy VIII Mezhdunarodnoy shkoly-*

praktikuma molodykh uchenykh-yuristov (Moscow, May 23-24, 2013) [Law and Ecology: Proceedings of the 8th International School-Workshop of Young Lawyers-Scientists]. Moscow, Infra-M, IZiSP Publ., 2014, pp. 283-286.

7. Kopylov M.N. Teoriya i praktika organizatsii i provedeniya konferentsiy OON po okruzhayushchey srede [The Theory and Practice of Organizing and Holding the UN Conferences on Environment Issues]. *Ekologicheskoe pravo*, 2008, no. 2, pp. 37-41.

8. Lazarev M.I. *Teoreticheskie voprosy sovremennogo mezhdunarodnogo morskogo prava* [Theoretical Issues of Contemporary International Sea Law]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 301 p.

9. Kuznetsov V.I., ed. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. Moscow, Yurist Publ., 2001. 672 p.

10. Kapustin A.Ya., ed. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Yurayt Publ., 2014. 723 p.

11. Kuznetsov V.I., Tuzmukhamedov B.R., eds. *Mezhdunarodnoe pravo* [International Law]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Norma Publ., 2007. 944 p.

12. Vylegzhanin A.N., Kapustin A.Ya., Kopylov M.N., eds. *Mezhdunarodnoe pravo. Praktikum* [International Law. Workshop]. Moscow, YurisPrudens Publ., 2011. 415 p.

13. Bekyashev K.A., ed. *Mezhdunarodnoe publichnoe pravo* [International Public Law]. 5th ed., rev. and add. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 1008 p.

14. Molodtsov S.V. *Mezhdunarodnoe morskoe pravo* [International Sea Law]. Moscow, Mezhdunar. otnosheniya Publ., 1987. 272 p.

15. Molodtsova E.S. *Okhrana okruzhayushchey sredy i mezhdunarodnoe regulirovanie mirnoy yadernoy deyatel'nosti* [Environmental Protection and International Regulation of Peaceful Nuclear Activity]. Moscow, A.V. Turov Publ., 2000. 224 p.

16. Nefedov B.I. *Sootnoshenie mezhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava: problema formirovaniya mezh sistemnykh obrazovaniy. Avtoref. diss. dokt. jurid. nauk* [Correlation Between International and Domestic Law: the Problem of Formation of Intersystem Bodies. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2012. 56 p.

17. Nefedov B.I. Sootnoshenie pravovykh system. Chast 1. "Traditsionnye" doktriny sootnosheniya mezhdunarodnogo prava i vnutrigosudarstvennogo prava ["Traditional" Concepts of Correlation Between International and Domestic Law]. *Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava*, 2013, no. 3 (91), pp. 19-29.

18. Rusin S.N. Kontseptualnye problemy ekologicheskoy bezopasnosti i gosudarstvennaya ekologicheskaya politika (pravovoy aspekt) [Conceptual Issues of Environmental Security and the

State Environmental Policy (Legal Aspect)]. *Ekologicheskoe pravo*, 2010, no. 5, pp. 12-18.

19. Sokolova N.A. Nekotorye voprosy zashchity okruzhayushchey sredy v period vooruzhennykh konfliktov [Certain Issues of Environmental Protection in the Period of Armed Conflicts]. *Rossiyskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. Spetsialnyy vypusk* [Russian Yearbook of International Law. Special Issue]. Saint Petersburg, SKF "Rossiya-Neva" Publ., 2000, pp. 169-171.

20. Sokolova N.A. Prirodnaya sreda kak obyekt zashchity mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava [Natural Environment as an Object of Protection by International Humanitarian Law]. *Mezhdunarodnoe pravo*, 2010, no. 3, pp. 60-67.

21. Sokolova N.A. *Teoreticheskie problemy mezhdunarodnogo prava okruzhayushchey sredy* [Theoretical Problems of the International Environmental Law]. Irkutsk, Izd-vo Irkutsk. gos. un-ta, 2002. 240 p.

22. Timoshenko A.S. Globalnaya ekologicheskaya bezopasnost - mezhdunarodno-pravovoy aspekt [The Global Environmental Security – International Legal Aspect]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1989, no. 1, pp. 84-92.

23. Feldman D.I. *Sistema mezhdunarodnogo prava* [The System of International Law]. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 1983. 120 p.

24. Shemshuchenko Yu.S. Plyus ekologizatsiya vsej Zemli (problemy mezhdunarodnogo ekologicheskogo prava) [Plus Ecologization of the Whole Earth (Problems of International Environmental Law)]. *Ekologicheskoe pravo*, 2009, iss. 2-3, pp. 82-84.

25. Shemshuchenko Yu.S. Ekologicheskaya konstitutsiya Zemli: kontseptualnye podkhody [Environmental Constitution of the Earth: Conceptual Approaches]. *Gosudarstvo i pravo*, 2008, no. 6, pp. 23-26.

26. Draft International Covenant on Environment and Development. *IUCN. The World Conservation Union*, 2010. Available at: <https://portals.iucn.org/library/efiles/documents/EPLP-031-rev3.pdf>.

27. Hunter D., Salzman J., Zaelke D. *International Environmental Law and Policy*. New York, Foundation Press, 2002.

28. Kiss A., Shelton D. *International Environmental Law*. New York, Transnational Publishers, 1991.

29. Lang W. UN Principles and International Environmental Law. *Max Plank Yearbook of United Nations Law*, 1999, vol. 3.

30. Sands Ph. International Law in the Field of Sustainable Development: Emerging Legal Principles. Lang W., ed. *Sustainable Development and International Law*. London, Graham & Trotman, 1995.

31. Sands Ph. *Principles of International Environmental Law*. Cambridge, Manchester University Press, 2003. 400 p.

**ON THE FORMATION OF THE CATALOGUE OF SPECIAL PRINCIPLES
OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW**

Kopylov Mikhail Nikolaevich

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Department of International Law,
Peoples' Friendship University of Russia, Academician,
Russian Academy of Natural Sciences, Russian Ecological Academy,
International Academy of Ecology and Life Protection Sciences
prof.mikhail.kopylov@gmail.com
Miklukho-Maklaya St., 6, Office 370, 117198 Moscow, Russian Federation

Kopylov Stanislav Mikhaylovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of International Law, Peoples' Friendship University of Russia
ksmfiles@gmail.com
Miklukho-Maklaya St., 6, Office 370, 117198 Moscow, Russian Federation

Abstract. The article deals with the analysis of the basic norms of international environmental law in order to create the list of special principles of this branch of international law. It is shown that in Russian as well as foreign science of international environmental law there is no unity of opinions not only on the number of such principles, but also on their legal content. This conclusion is proved by the statements of some well-known Russian and foreign specialists. The authors are convinced that the existence of special principles is one of the six criteria that could allow the international environmental law to complete the process of transformation into the branch of international law.

That is why the authors opt for a draft International Covenant on Environment and Development of September 22, 2010 which contains the reference to nine such principles. The analysis of the text of draft Covenant let reveal another currently emerging special principle of international environmental law – the principle of the conservation and sustainable use of biological diversity. This means that the process of establishing such principles as applied to international environmental law remains open.

Key words: international environmental law, principle, environmental rights, cross-border pollution, international responsibility/liability, precaution, cooperation, draft Covenant.